

Высший литературно-художественный институт (далее — ВЛХИ) им. В. Я. Брюсова — первое в России и мире высшее учебное заведение для литераторов, организованное по инициативе В. Я. Брюсова и располагавшееся в «усадьбе Соллогуба» в Москве по адресу: ул. Поварская (в 1923–1992 гг. — улица Воровского), д. 52 (в 1932 г. в усадьбе разместился Союз писателей СССР). Литературные салоны, кафе, кружки и группы существовали десятилетиями, но только Брюсову и только при помощи советской власти удалось институционализировать идею обучения писателей и создать высшее учебное заведение со своим уставом, учебным планом и программами курсов, со студентами и преподавателями, с государственными экзаменами и дипломами. Луначарский отмечал новизну этого начинания в день открытия ВЛХИ:

Несомненно, что литературное искусство может быть поставлено как предмет преподавания. Этот опыт и взял на себя наркомпрос, создавая высший литературно-художественный институт. Опыт крайне тяжелый, ибо это первый опыт во всем мире. <...> Что можно будет, возьмем от Европы, а в чем можно будет, пойдем впереди нее³⁶.

Г. А. Рачинский, возглавивший цикл художественного перевода в ВЛХИ, несколько лет спустя также подчеркивал его уникальность:

Институт представлял еще не бывалый тип высшей профессиональной школы работников художественного слова; нигде, в мире, таковой не имелось. Без уже сложившегося образа, без многолетнего опыта приходилось день за днем испытывать, строить, видоизменять, преобразовывать, постоянно проверять и перерабатывать план и программы, сообразуясь с тем, что постепенно сказывалось на деле (Рачинский 1924: 48–49).

Институт казался особенным не только его создателям, но и будущим студентам:

Следует заметить, что литературно-художественный институт, созданный по проекту Брюсова, был высшим учебным заведением совершенно нового типа. Это была литературная консерватория, о которой давно уже мечтал Брюсов. Все здесь создавалось заново. Вихрь смелой новизны поддерживал наши крылья. И тут без труда можно было заметить черты московской фантазмагии тех лет (Пуришев 1997: 567).

Выпускница ВЛХИ Е. Б. Захарова-Рафальская вспоминала, что говорили в то время о новом институте молодые люди в Москве:

В тот же день у моей тетки Ксении Секретевой я познакомилась с каким-то ее приятелем, который сказал: «И зачем вы стремитесь в МГУ с его рутинной и казенщиной! Гораздо интересней новый институт, организованный Брюсовым. Туда принимают только творческих людей, там действительно очень интересно заниматься. А преподаватели все равно те же самые, что и в МГУ» (Рафальская 2001: 189).

³⁶ «Высший Литературно-Художественный Институт». *Известия ВЦИК* 281 (1921), 20 ноября: 2.

После окончания института Захарова-Рафальская не стала известной писательницей, но много лет проработала в издательствах, редакциях журналов и газет. Это был вполне типичный путь для выпускников ВЛХИ. По замыслу Брюсова, институт должен был не столько «создавать» писателей, сколько давать его студентам всестороннее гуманитарное образование. В день открытия института поэт признался:

Гениев — писателей и поэтов из вас здесь, может быть, и не сделают, <...> но литературно образованными людьми, культурными работниками вы будете. А нашему государству очень нужны свои кадры культурных работников (Лазовский 1963: 338).

Официально целью ВЛХИ была подготовка

людей, владеющих техникой художественного слова в различных художественных жанрах (прозы, стиха, драмы, художественного перевода), а также кадр литературно-исследовательских работников (критиков, инструкторов по собиранию фольклора, истории литературы и т. д.) и литературных пропагандистов (работников в клубах и литкружках) (Григорьев 1924: 3).

«Производственно овладеть словом — такова задача В.Л.Х.И., созданного пролетарской властью» (Григорьев 1924: 3). Несмотря на недолгий срок существования института (четыре года) и на небольшое количество выпускников (два выпуска в 1925 г. — всего 90 человек), ВЛХИ дал русской литературе немало известных имен. Среди них *поэты, прозаики и драматурги*: Джек Алтаузен (Я. М. Алтаузен), Артем Веселый (Н. И. Кочуров), Иван Приблудный (Я. П. Овчаренко), М. Б. Жумабаев, М. А. Светлов (Шейнкман), М. С. Голодный (Эпштейн), Р. М. Берёзов (Акульшин), М. М. Скуратов, Н. С. Кауричев, Н. И. Дементьев, В. Ф. Наседкин, Е. А. Благинина, В. Н. Дубовка, И. И. Катаев, И. И. Пулькин, Г. Н. Оболдуев, Д. Л. Андреев, Дир Туманный (Н. Н. Панов), Алио Машашвили (А. А. Мирцхулава), М. К. Терентьева-Катаева, И. И. Доронин, Б. Н. Агапов, Л. Р. Шейнин, Я. Б. Фрид (Фридланд), С. П. Злобин, Амир Саргиджан (С. П. Бородин), И. С. Рахилло, М. И. Поступальская, Кондрат Крапива (К. К. Атрахович), П. И. Замоиский (Зевалкин), Н. Кальма (А. И. Кальманок), К. К. Андреев, А. И. Абрамов, Г. С. Березко, А. В. Кожевников, Н. В. Богданов, Н. А. Надеждина (Адольф), И. Ф. Жига (Смирнов); *литературоведы*: Н. И. Замошкин, Л. И. Тимофеев, С. А. Макашин, Б. И. Пуришев, Н. Вильмонт (Н. Н. Вильям-Вильмонт), Б. А. Песис, Б. В. Михайловский; *переводчики*: И. А. Кашкин, Н. М. Жаркова.

ВЛХИ был открыт 16 ноября 1921 г., но этому предшествовали почти двадцать лет планирования и осмысления концепции института будущим идеологом ВЛХИ — Брюсовым. Впервые он высказался в печати о необходимости формального образования для писателей в 1902 г. В заметке «Школа и поэзия» Брюсов пишет о том, что писатели находятся в невыгодном положении: для художников и музыкантов есть соответствующие учебные заведения, где они могут получить нужные им теоретические и практические знания, а писатели вынуждены оставаться самоучками. Брюсов

предлагает создавать «школы поэзии», в которых молодые литераторы смогут «овладевать техническими трудностями писательского искусства» при помощи «опытных писателей». Интересно, что на такие мысли поэта натолкнул анонимный британский учебник по творческому письму «How to Write a Novel: A Practical Guide to the Art of Fiction» (How to Write a Novel 1901). Он был переведен на русский язык Е. И. Бошняк и издан в Москве под названием «Как написать повесть: Практическое руководство к искусству беллетристики» (Как написать повесть 1901). Брюсов критикует пособие за отсутствие «настоящей “теории повести”», но вместе с тем подмечает, что эта область еще совсем не исследована, а это большое упущение теоретиков литературы и писателей. (Заметим, что, когда в России все-таки появится своя «теория повести» — теория романа Виктора Шкловского (Шкловский 1921), ее главным фокусом будет идея анализа, а не написания литературного произведения.) Брюсов призывает всех взяться за учебу:

Учиться ремесленной стороне искусства нисколько не зазорно. Знание техники своего дела не противоречит свободе творчества. Художниками рождаются, но умению рисовать учатся. Дар поэтического творчества состоит в ярком воображении, в проникновении в характеры людей, в тонком вкусе к словам и выражениям, но никак не в ловкости располагать содержание по главам и не в запасе рифм в голове³⁷.

Многие писатели до революции не разделяли брюсовских идей литературного обучения и не соглашались с тем, что у поэзии тоже есть техническая сторона. Показательный пример — диспут, возникший на одном из собраний Общества свободной эстетики. По воспоминаниям Рачинского, обсуждая стихотворение Каролины Павловой «Мое святое ремесло», члены общества спорили о том, «лежит ли в основе художественного творчества ремесло, раз его предмет есть красота, и можно ли вообще ремесло назвать “святым”», и почти единодушно, за исключением Брюсова, пытались «сузить место и значимость ремесленной техники в искусстве и бросить тень на ее существенную важность» (Рачинский 1924: 45–46). Брюсов продолжал отстаивать важность ремесленной стороны литературного творчества и на знаменитых средах в своем доме на Проспекте Мира, д. 30, и в «Башне» Вячеслава Иванова. По воспоминаниям Ходасевича, Брюсову «хотелось создать “движение” и стать во главе его», он чувствовал себя капитаном «некоего литературного корабля» и стремился к властвованию и предводительству. На литературных средах он «тщательно разбирал» форму стихов начинающих поэтов и «учительски» относился даже к таким состоявшимся поэтам, как Андрей Белый и Блок (Ходасевич 1991: 24–25). Похожее наставничество в области формы стиха было присуще и отношениям Брюсова с Гумилевым. Почти в каждом письме, адресованном Брю-

³⁷ Аврелий <Брюсов В. Я.>. «Школа и поэзия: (По поводу одной книжки)». *Приложение к газете «Русский листок»* 74 (1902), 17 марта: 166. Об изобилии англоязычных руководств по творческому письму в то время см.: (Tenen 2019).

сову, ученик «горячо» благодарил учителя за «советы относительно формы стиха» и «рассуждения о рифмах и размерах» (Брюсов 1994: 415, 426).

В 1916 г. Брюсов и Иванов начали разрабатывать план создания в Москве учебного заведения для практического обучения молодых поэтов и работников литературы³⁸, но их студия стиховедения была открыта лишь в 1918-м при участии советской власти (Брюсов 1918). Ходасевич объясняет сотрудничество Брюсова с новой властью перспективой руководить литературным процессом: «Брюсову представлялось возможным прямое влияние на литературные дела; он мечтал, что большевики откроют ему долгожданную возможность “направлять” литературу твердыми, административными мерами» (Ходасевич 1991: 40). Для этой цели он планировал открыть «Академию поэзии»³⁹. В 1920 г., будучи заведующим литературным отделом (Лито) Наркомпроса, Брюсов организовал новую литературную студию при Академическом отделе Лито и параллельно с этим составил трехлетний учебный план «Академии поэзии»:

1 год, обязательные курсы: 1. История поэзии. Эллада и Рим, 2. Народная поэзия. Поэты XVI–XVIII вв., 3. Античная метрика, 4. Русская ритмика и метрика русская; необязательные курсы: 1. Народная поэзия. Происхождение поэзии, 2. Архитектура и живопись в XIX в., 3. История театра; семинарии: 1. Переводы, 2. Разборы драм, 3. Метрические разборы; эпизодические курсы: 1. Немецкий романтизм, 2. Пушкинская плеяда, 3. Стихотворные терции. 2 год, обязательные курсы: 1. Европейская поэзия до XVIII в., 2. Поэзия XIX в., 3. Сравнительная метрика, 4. Евфония и строфика; необязательные курсы: 1. Поэзия первобытных народов, 2. Архитектура и живопись в XIX в., 3. Драматургия; семинарии: 1. Сочинения на тему, 2. История режиссуры; эпизодические курсы: 1. Символизм, 2. Достоевский, 3. Александрийский стих. 3 год, обязательные курсы: 1. Поэзия XIX в., 2. Новая поэзия, 3. История учений о метрике, 4. История русского стиха; необязательные курсы: 1. Народная поэзия разных стран, 2. История музыки, 3. Обзор современного театра; семинарии: 1. Свободное творчество, 2. Реферат по вопросу; эпизодические курсы: 1. Малларме, 2. Бальмонт, 3. Сpondeй в русской литературе⁴⁰.

Осуществить этот план на практике оказалось невозможным, несмотря на то что Брюсов занимал высокое положение в Наркомпросе. Одна из проблем состояла в том, что в 1920 г. Главпрофобр потребовал сократить количество учебных заведений⁴¹. Для выполнения этого требования Брюсов предоставил в Лито план по объединению двух литературно-художественных учебных заведений — литературной студии при Лито и общеобразовательных курсов при Дворце искусств — в едином Литературно-художественном институте. После долгих споров в Главпрофобре и переделок общего положения института и его учебных планов в августе 1921 г.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 12.

³⁹ Нечто схожее в 1918 г. предлагал молодой поэт-дилетант А. Л. Чижевский — будущей знаменитый биофизик (Чижевский 1918).

⁴⁰ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 116. Д. 13. Л. 1.

⁴¹ Там же. К. 112. Д. 25. Л. 2.

упомянутые учреждения были соединены в Первый показательный литературный техникум повышенного типа с правами высшего учебного заведения. Вскоре он был переведен из разряда техникума в высшее учебное заведение и получил новое название — Высший литературно-художественный институт. (В начале 1922 г. к ВЛХИ также присоединили часть Государственного института слова, далее — ГИС.) В декабре 1923-го в связи с 50-летним юбилеем Брюсова институту было присвоено его имя.

При своем возникновении ВЛХИ состоял из 3 отделений: художественного, инструкторского и ораторского. Первое включало в себя все виды творческой работы — стих, прозу, драматургию и художественный перевод. Второе — литературную критику и библиографию, журналистику и инструкторско-преподавательскую работу в школе. Третье отделение представляло собой продолжение ГИС и занималось устным словом: основными предметами были энциклопедия права, судебная практика, история ораторского искусства, судебное и политическое красноречие. Учебный план каждый год пересматривали и меняли. Так, ораторское отделение закрыли через год ввиду того, что его направление сильно отличалось от главных задач ВЛХИ. Вскоре художественное отделение переименовали в творческое, а классы стиха, прозы, драматургии и художественного перевода были отделены друг от друга и заменены на циклы. Каждый студент был обязан выбрать не менее одного цикла из основных (стиха, прозы, драматургии, марксистской критики) и одного из дополнительных (художественного перевода, фольклора, литературной пропаганды и литературно-издательского дела). Дополнительные циклы были введены для того, чтобы кроме техники письма дать студентам еще какое-нибудь практическое литературное ремесло, которое могло бы их прокормить. Структура циклов была построена следующим образом: в центре каждого цикла находилась мастерская, вокруг каждой мастерской — ряд семинариев и теоретических предметов. Кроме того, ряд предметов считался обязательным для всех циклов. Наличие этих предметов было обусловлено тем, что ВЛХИ никогда не позиционировал себя как техникум. Правление института считало, что качественное овладение техникой письма невозможно без широкого литературного образования, без «умения сознательно использовать энергию старой и современной литературной культуры»⁴². Со временем добавилась и идеология — студентам давали не просто широкое литературное образование, но образование, построенное на марксистско-ленинской идеологической базе. Приводим проект учебного плана института за последний год его существования (1924–1925 гг.):

Предметы общие для всех циклов — I концентр (1 год): 1. История общественных форм, 2. Капитализм и пролетарская революция, 2. Основные проблемы естествознания и техники, 3. Логика и методология, 4. Введение в языкознание, 5. Теоретическая поэтика, 6. Энциклопедия стиха, 7. Введение

⁴² РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 14.

в историю русской литературы, 8. Введение в народную словесность, 9. Введение в западно-европейскую литературу, 10. Введение в античную литературу, 11. Английский, французский, немецкий (один на выбор), 12. Латинский и греческий (факультативно). *II концентр (2 и 3 год)*: 1. Исторический материализм, 2. Семинарий по историческому материализму, 3. Семинарий по ленинизму, 4. Психология, 5. Семинарий по психологии языка и творчества, 6. Литературный русский язык и диалектология, 7. Историческая поэтика, 8. История русской литературы, 9. История английской литературы, 10. История немецкой литературы, 11. История французской литературы, 12. История античной литературы, 13. Социология искусств, 14. История восточной литературы (факультативно).

Основные циклы (один по выбору студента) — *Цикл стиха*: 1. Пропедевческий практикум (на 1 курсе в связи с энциклопедией стиха), 2. Мастерская стиха, 3. Стихология, 3. Два семинария с переменным заданием. *Цикл прозы*: 1. Пропедевческий практикум (на 1 курсе), 2. Мастерская прозы, 3. Прозология, 3. Два семинария с переменным заданием. *Цикл драматургии*: 1. Пропедевческий практикум прозы или стиха (на 1 курсе), 2. Мастерская драмы, 3. Драматургия, 4. История драмы. *Цикл критики*: 1. Пропедевческий практикум прозы или стиха (на 1 курсе), 2. Мастерская марксистской критики, 3. История и методология критики, 4. История марксистской критики, 5. Два семинария по автору (русскому и иностр.).

Добавочные циклы (один по выбору студента) — *Цикл литературной пропаганды*: 1. Литкружки, работа в клубах, агит. газета, плакат, дискуссия и т. д. *Цикл редакционно-издательского дела*: 1. Техника журн. и издат. дела, история и техника книги и т. д. *Цикл художественного перевода*: 1. Мастерская художественного перевода, 2. Язык (франц., нем., англ. — по выбору), 3. Два семинария с переменным заданием (один по выбору). *Цикл фольклора*: 1. Мастерская фольклора, 2. Музыкальная этнография, 3. Материальная этнография, 4. Диалектология русс. языка (Григорьев 1924: 90–92).

Для того чтобы поступить в ВЛХИ, необходимо было сначала пройти классовый отбор, а затем сдать несколько экзаменов, разделенных на две группы: а) испытания по общеобразовательным предметам — общественному знанию (политграмоте), истории русской литературы, математике и физике; б) художественный коллоквиум, который состоял из собеседования по вопросам литературы и поэтики, а также из обсуждения собственного творчества испытуемого. Абитуриенты, окончившие рабфак или другой вуз, освобождались от испытаний по первой группе. Кроме того, по своему усмотрению приемная комиссия могла освободить от экзаменов по общеобразовательным предметам кого угодно (Григорьев 1924: 3–4). Для примера приводим разговор Брюсова с И. А. Козловым, абитуриентом ВЛХИ:

— Знакомлюсь я с вашим делом, товарищ Козлов, и вижу — очень вы подходящий для нас: рабочий, выходец из батрацкой семьи, и сами в детстве батрачили, большевик с 1905 года, бывший политкаторжанин. Но... но как у вас с образованием?..

— Окончил трехклассную церковноприходскую школу.

— Согласитесь, что этого маловато. Как по-вашему?

— Вы правы. Очень мало. <...> Нет у меня, Валерий Яковлевич, ни мастерства писателя, ни знаний. Вот и думал поучиться в вашем институте (Смирнова-Козлова 1998: 18–20).

И тем не менее Козлов был принят в ВЛХИ. Такое неформальное отношение к приемным испытаниям подтверждают и воспоминания Захаровой-Рафальской:

Я шла, чтобы узнать условия приема. Кто-то сказал мне: «Подождите, сейчас как раз идет заседание приемной комиссии». Я села. Вдруг меня вызвали в комнату, где шло заседание. За столом посередине комнаты сидело человек 6–7. <...> Совершенно для меня неожиданно началось нечто вроде экзамена, вернее собеседования (Рафальская 2001: 189–190).

Ивану Приблудному тоже повезло — вступительные испытания молодой поэт завалил, но Брюсов сумел разглядеть его талант и принял Приблудного в институт «условно»:

Стихи ваши талантливы, безусловно, но вы совершенно необразованны. Чтобы стать хорошим поэтом, вам надо много учиться и каждый день постигать что-то новое, чтобы стать всесторонне образованным и культурным человеком. Если не будете настойчиво работать над собой — загубите свой талант. Мы вас можем принять в институт только условно. Вы должны учиться и писать. Писать и учиться!.. (Смирнова-Козлова 1998: 216).

И у Козлова, и у Рафальской, и у Приблудного было преимущество при поступлении — «правильная» биография. На первых порах классовая принадлежность не играла большой роли, и в институт попадали люди самого различного происхождения:

«Какая смесь одежд и лиц!» Тут и вылинявшая красноармейская гимнастерка, и соседствующий с ней серый мундирчик недавнего гимназиста, и затасканная куртка рабочего, и матросский бушлат, и пиджаки, и телогрейки. Тут же, вперемежку, лихо надвинутая будденовка или красная косынка или глубокая — не по голове — огромная кепка, из-под которых выбиваются пряди спутанных волос или заплетенные косы... (Лазовский 1963: 336).

Если в первый год работы в ВЛХИ учились в основном беспартийные студенты, то со временем партийная часть заметно выросла. К 1924 г. коммунистическая ячейка ВЛХИ увеличилась с 6 человек до 100. При таком изменении состава ВЛХИ в скором времени мог превратиться в партийную школу для литераторов. Прием 1924 г. на 52 % состоял из членов РКП(б) и комсомольцев. Постоянные чистки также способствовали изменению состава студентов: в апреле 1922 г. из ВЛХИ исключили 116 студентов из 300, в октябре того же года — 90 из 364. В отчете о деятельности института за 1922–1923 гг. подчеркивалась необходимость пролетаризации ВЛХИ. В октябре 1923-го снова возобновились чистки — было исключено 150 студентов из 538, в мае — 194 из 535 и в октябре 1924-го — 29 студентов из 416⁴³.

⁴³ РГАЛИ. Ф. 596. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 8.

Профессорско-преподавательский состав (ППС) института тоже постоянно менялся. Были преподаватели, которые проработали в ВЛХИ с момента открытия и до его ликвидации, но их насчитывалось не так много. Правление института объясняло изменения в составе профессуры тем, что было трудно найти специалистов, соединяющих знания с педагогическим умением. На самом деле ситуация с ППС напоминала положение со студентами: с каждым годом росла потребность не просто в хороших специалистах, но в специалистах, являющихся членами коммунистической партии и готовыми преподавать в соответствии с марксистским методом⁴⁴. 8 ноября 1922 г. Брюсов обратился в письме к П. С. Когану с необычной просьбой:

Случилось так, что по различным обстоятельствам в нашем институте в этом году замедлилось начало всех курсов по общ<ественно>-политическим наукам. Студенты 1-го курса остаются без надлежащего руководства в этой области. Между тем читаются курсы «логики» (М. Григорьев) и «исторической поэтики» (Якобсон), в которых лекторы, поневоле, касаются вопросов, связанных с историей философии. И Григорьев, и Якобсон, как вы знаете, — не марксисты. Является настоятельная необходимость спешно начать курс, в котором студенты 1-го курса были бы определено введены в курс воззрений исторического материализма (Брюсов 1976: 710).

Брюсов предложил Когану временно отложить «Введение в историю западных литератур» и немедленно прочесть «хотя бы несколько лекций по историч<ескому> материализму», поскольку «институту это *чрезвычайно* нужно (выделено Брюсовым. — О. Н.)» (Брюсов 1976: 710)⁴⁵. В 1924–1925 академическом году все кафедры общественно-политического характера были замещены членами партии⁴⁶. За все годы существования ВЛХИ там преподавали: В. Я. Брюсов (создатель, ректор до 1924 г., в разные годы вел историю древнегреческой литературы и историю римской литературы, латинский язык в связи с общим языкознанием, энциклопедию стиха), В. П. Полонский (ректор в 1924–1925 гг.), Г. А. Шенгели (руководитель цикла стиха, глава комиссии по методике работ мастерских, преподавал курс «Лирическая композиция и эйдология»), В. М. Волькенштейн (руководитель цикла драматургии), Л. П. Гроссман (руководитель цикла критики,

⁴⁴ Из протоколов Правления ВЛХИ и собраний профессоров: необходимо «усилить институт марксистскими силами» (Там же. Ед. хр. 6. Л. 2).

⁴⁵ Л. Г. Якобсон (1889–1949) — литературовед, специалист по исторической поэтике, занимался Веселовским и Потебней. Помимо ВЛХИ, преподавал литературу в МГУ, Уральском государственном университете, Северо-Кавказском государственном университете, Астраханском и Иркутском педагогических институтах и многих других региональных педагогических институтах, а также работал редактором Государственного социального-экономического издательства. См. его фонд в РГАЛИ: Ф. 1898. М. С. Григорьев (1890–1980) — литературовед и театровед, проректор по учебной части ВЛХИ. О его деятельности в ВГЛК см. ниже очерк М. А. Кучерской. Также преподавал на Высших литературных курсах Литературного института им. А. М. Горького в 1954–1968 гг.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 25.

вел курс «Методология и история литературной критики»), Г. А. Рачинский (руководитель цикла художественного перевода, глава предметной комиссии по истории литератур, вел курс по истории немецкой литературы и семинар по Фаусту), М. С. Григорьев (проректор, заведующий учебной частью, член правления, вел семинарий по психологии языка и творчества, логику, психологию), Е. П. Херсонская (руководитель цикла литературной пропаганды, член правления, глава комиссии по общественно-политическим предметам, вела курс «Метод и формы политпросвещения взрослых»), К. С. Локс (руководитель цикла прозы, глава комиссии по формальным предметам, вел курс «Теоретическая поэтика»), Ю. М. Соколов (вел курс «Русская устная словесность» и семинарий по устной словесности), Б. М. Соколов (вел курс по древнерусской литературе), А. В. Артюшков (вел практикум по метрике), М. П. Малишевский (был студентом ВЛХИ, но вскоре стал преподавать собственный курс — «Общую метротоническую стихологию», также был ученым секретарем института), И. А. Кашкин (был студентом ВЛХИ, затем начал преподавать английский язык, вскоре стал ассистентом по классу художественного перевода и помощником ученого секретаря), Я. О. Зунделович (вел семинарии по Гоголю, Достоевскому, Тютчеву), П. С. Коган (член правления, вел курс «Введение в историю западно-европейских литератур» и курс «Новейшая русская литература»), П. Н. Сакулин (периодически читал курс о новой русской литературе, а также курс по истории литературных стилей на социологической основе), А. В. Луначарский (читал лекции по драматургии), И. С. Руквишников (некоторое время вел теорию стиха), А. А. Сидоров (вел курс «Введение в искусствознание»), В. Ф. Переверзев (читал курс «Русская литература от Гоголя» и лекции по Достоевскому), Н. К. Пиксанов (вел семинарий «Марксистский метод в литературной науке и критике» и историю русской критики), С. М. Соловьев (латинский язык), Я. Э. Голосовкер (лекции об античных мифах), М. Д. Эйхенгольц (читал историю французской литературы), С. В. Шервинский (читал отдельные лекции о культуре Италии), М. Я. Цявловский (вел курс «Русская литература 1800–1830-х годов» и семинарий по Пушкину), М. А. Петровский (читал «Введение в поэтику»), А. М. Пешковский (вел семинарий по художественному синтаксису), Д. Н. Ушаков (русский язык), С. А. Бугославский (вел курс «Мелодия и ритм русской народной песни»), В. Мурзаев (руководитель цикла литературной пропаганды, вел методику преподавания русского языка и литературы), А. Л. Корольков (вел физику, химию). Также в разные годы в ВЛХИ преподавали Г. Л. Малицкий, А. Е. Грузинский, И. С. Гроссман-Роцин, С. К. Шамбинаго, П. П. Лазарев, В. М. Фриче, А. А. Зиверт, А. А. Альшванг, Н. Л. Бродский, Е. А. Адалис, Д. С. Усов, А. Е. Ефрон, Л. Г. Якобсон, Т. М. Левит, К. Р. Эйгенс, П. П. Люк, П. П. Нечаев, В. С. Богатырев, О. Г. Лобанов.

Студенты и выпускники ВЛХИ оставили воспоминания о своих учителях. Е. Благинина вспоминала, как

Цявловский допытывался у студентов, как звали отца Татьяны Лариной и бывал ли Пушкин за границей, и как инструментован «Медный всадник». Здесь Георгий Шенгели демонстрировал перед упоенными слушателями чудеса модулированного ямба. Здесь, поблескивая молниями пенсне, Эйхенгольц пировал вместе со слушателями на пирах французской литературы с чисто раблезианским размахом. Здесь читал немецкую литературу Григорий Рачинский — наш патриарх. Он казался нам ужасно старым — ему было тогда за пятьдесят (Благинина 2016: 291).

«Мрачный, с львиным обличем пушкиноведа Мстислав Цявловский» впечатлял не только Благинину: «Уже роились вокруг него пугающие слухи, будто требует он на экзамене, чтобы точно назвали ему, вино какого года пил Онегин, как было отчество Татьяны и какого цвета волосы у Ленского» (Кальма 1971: 5). П. Лазовский чуть не получил «неуд» по истории русской литературы из-за вопросов Цявловского, показавшихся ему каверзными: «Ну, так где же остановилась Татьяна по приезде в Москву? — недовольно повторил свой вопрос профессор. — Может быть, вы обратитесь в адресный стол за справкой?» (Лазовский 1963: 344). Некоторые работы студентов ВЛХИ по творчеству Пушкина можно найти в архиве Цявловского⁴⁷.

Рафальская говорит о том, что не только студенты были довольны преподавателями, но и преподаватели относились к студентам ВЛХИ по-особенному:

Преподавали у нас, в основном, те же лекторы, что и в МГУ. И мне не раз приходилось от них слышать, что у нас им работать интереснее, поскольку слушатели — народ творческий и сами причастны в той или иной форме к литературному труду (Рафальская 2001: 190).

Но больше всего воспоминаний сохранилось о Брюсове:

Валерий Яковлевич был блистательным, эрудированным лектором-исследователем, обнажавшим перед студентами свой метод исследования, а не популяризатором. <...> Вел Брюсов и практикум для поэтов, целью которого было и творческое продолжение неоконченных произведений Пушкина и в частности новый вариант окончания «Египетских ночей», как бы исправление того варианта, который Брюсов опубликовал в 1916 г., что вызвало известный выпад Маяковского, памфлет против Брюсова (Ясинская 1963: 309, 311).

Почти все мемуаристы свидетельствуют о теплых отношениях Брюсова со студентами:

Руководя специальными учебно-творческими занятиями, Валерий Яковлевич не допускал сколько-нибудь менторского тона, не подавлял своим авторитетом. Щадя индивидуальность каждого, мягко подчеркивая те или иные срывы и промахи, он умел превращать весь класс в дружную творче-

⁴⁷ РГАЛИ. Ф. 2558. Оп. 2. Ед. хр. 1775; 1871.

скую лабораторию. Между ним и его учениками быстро устанавливались простые и доверчивые отношения (Корчагин 1973: 629).

Любовь студентов была обусловлена не только преподавательским талантом Брюсова, но и его чутким отношением к студентам, участием в студенческих делах и общественных мероприятиях:

В разгар веселья, когда между танцами и песнями затеяли какую-то игру, чуть ли не детскую, вроде «кошки-мышки», в аудитории незаметно появился Валерий Яковлевич. Он остановился у двери, с любопытством наблюдая за игрой. Одна из студенток втянула его в эту игру. И Валерий Яковлевич, забыв свое положение, отбросив всякую официальность, принял самое деятельное участие в нашем веселье (Лазовский 1963: 345).

И еще один случай, подтверждающий, что Брюсов со студентами был «не то что близок, но, во всяком случае, входил как-то в их нужды, интересы, развлечения»:

...Студенты развлекались тем, что прыгали с этого балкончика [на втором этаже здания института] на землю. Брюсова Валерия Яковлевича это очень увлекало, и он тоже вместе с ними стал прыгать, несмотря на свой сравнительно почтенный возраст (Тимофеев, Поспелов 2003: 18–19).

Однако не все студенты вспоминают ректора с любовью. Рафальская довольно холодно отзывается о Брюсове:

Время моего учения в институте было временем развенчания в моей душе Брюсова. <...> Я заметила, что он к большинству студентов относился с какой-то неодобрительной иронией. Брюсов читал нам курс античной литературы. Бесспорно, это был человек очень образованный. Но это и все. В лекциях его было много сведений, историю литературы он связывал с социальной историей древних, но слушать его было неинтересно (Рафальская 2001: 192).

Но не только Брюсов был раскритикован Рафальской. Она также довольно резко отзывалась о преподавательских способностях Аделины Адалис:

Занятия Адалис вела беспомощно и порой удивляла нас. Так, разбирая стихи Хлебникова, где есть такие строки: «Ходят двое чудаков / И стреляют судаков», Адалис стала уверять нас, что судаков действительно стреляют! (Рафальская 2001: 193).

Адалис — последняя возлюбленная Брюсова — преподавала не только в ВЛХИ. В 1921–1922 академическом году Брюсов назначил ее ректором им же организованного Поэтического техникума («Профессионально-технической школы поэтики»), закрывшегося после одного полугодия нерегулярных занятий. Студент техникума В. В. Фефер считал Адалис «хорошим поэтом» и «хорошим наставником молодежи», но плохим администратором:

В ответ на требования начать регулярное чтение лекций и «упорядочить постановку дела» Адалис отнекивалась, ссылаясь на трудности, или сидела не дыша в комнате-студии, вынув ключ, явно намекая на то, что ее нет (Фефер 1976: 812–813).

После закрытия техникума Фефер перешел в ВЛХИ.

В 1923 г. Георгий Шенгели сменил Адалис на посту руководителя класса стиха ВЛХИ (до Адалис классом руководил сам Брюсов). Рафальская негативно отзывается о Шенгели:

Занятия с ним состояли в бесконечном изучении схем и ритмов стиха. По этим схемам мы писали и свои стихи. Разбирали ритмически и стихи известных поэтов. Сначала это казалось интересным, но в конце концов бесконечный анализ приводил к тому, что наслаждение стихом пропадало. А я лично вообще бросила писать стихи. В чем и состоит заслуга Шенгели перед отечественной литературой (Рафальская 2001: 196).

Не только Рафальская была недовольна его методами преподавания: согласно официальному опросу студентов, некоторые считали, что Шенгели дает слишком много метрики и ничего не говорит о семантике и эйдологии⁴⁸. Тем не менее большинство студентов ценило подход Шенгели, с помощью которого он помогал им усвоить технику стихотворства до степени инстинктивного владения. Для этого студенты должны были сначала научиться определять метр на слух и складывать строчки, метрически аналогичные прочитанным. Далее Шенгели учил их чертить пиррихические и словораздельные кривые по методологии Андрея Белого, разбирал номенклатуру форм, учил составлять ритменные карточки по своему методу и объяснял, что такое ритменная инерция и изомерная форма по методике Томашевского. Только после этого студенты могли приступить к написанию стихов на заданную тему по ритменным карточкам. Они также упражнялись в рифмовке по разным видам каталектики, занимались инструментальной, подбором синонимов, работали над расширением поэтического словаря. Со временем упражнений по метрике становилось меньше — студенты занимались композиционным анализом стихотворения, анализом образов, писали стихотворения в твердой форме и работали в разных стихотворных стилях (Григорьев 1924: 29–30).

Не менее строгим был подход к студентам в цикле прозы, возглавляемом Константином Локсом⁴⁹. На каждый теоретически рассмотренный вопрос Локс давал студентам задания: например, проследить характер образов у писателя или изучить строение рассказа с точки зрения какого-нибудь приема. Также предполагалось, что определенное количество часов по особому соглашению со слушателями будет отводиться на разбор их собственных произведений (Григорьев 1924: 31–32). Приводим пример одного из заданий — написать рассказ о современном быте с двумя действующими лицами — изобретателем и «бывшим человеком»:

Отсутствие предварительной экспозиции. Рассказ начинается с основной сцены в комнате изобретателя. Близость открытия. Основные черты ха-

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 3–9.

⁴⁹ «Вот человек, который научил меня писать прозу!» — так охарактеризовал его Борис Пастернак (Локс 1994: 14–15).

рактера: загипнотизированность своей работой. Встречи с бывшим человеком случайны, глубокое различие между двумя действующими лицами подчеркивается характеристикой отдельных жизненных положений. Концовка рассказа: изобретатель не может завершить открытия, нуждаясь в деньгах и сталкиваясь с непониманием людей. Финальная сцена — разговор ночью с бывшим человеком. Столкновение двух оценок современности. Изобретатель продолжает с еще большим упорством верить в свое дело⁵⁰.

Как и в случае с Шенгели, некоторые студенты были недовольны тем, что задания Локса были слишком специфичны, а времени на разбор собственных произведений часто не хватало. Студенты считали, что самостоятельные работы и работы по заданию должны обсуждаться на равных правах. Некоторые даже предлагали заменить Локса на Викентия Вересаева, Алексея Толстого или Александра Серафимовича⁵¹.

Основной задачей цикла литературной пропаганды было обучение студентов практическим навыкам в деле клубной работы (организация литературных кружков и студий). Студенты самостоятельно знакомились с печатными руководствами и делали по ним доклады, готовили публичные выступления в виде устной газеты и агитационного суда⁵². Например, в 1924 г. класс организовал литературный суд над Бабелем и показал инсценировку суда в рамках отчетного вечера мастерской⁵³. Помимо работ в классе студенты привлекались к организованным выступлениям в рабочих клубах. По воспоминаниям Смирновой-Козловой, студенты ВЛХИ много работали на предприятиях — организовывали стенные газеты, «ликвидировали безграмотность» (Смирнова-Козлова 1998: 147). Цикл пропаганды по своим целям и содержанию стоит несколько в стороне от других дисциплин ВЛХИ — это единственный цикл предметов с явно выраженным идеологическим и агитационным уклоном. Содержание курсов цикла наводит на мысль о четкой связи между литературой и идеологией. В рамках курса «Метод и формы политпросвещения взрослых» студенты должны были изучать агитацию и пропаганду политических идей на базе просвещения, а также техники агитационной пропагандистской литературной работы. Такой подход противоречит первоначальному замыслу Брюсова и не находит отражения в его плане «Академии поэзии».

В целом попытки организовать «широкое литературное образование на базе марксистско-коммунистической идеологии» в ВЛХИ были не слишком удачными. Общественно-политические предметы в институте (исторический материализм, капитализм и пролетарская революция) и введение марксистского метода в части курсов по литературе носили чисто научный характер и не имели отношения к пропаганде определенной идеологии. Хотя Брюсов писал в отчете за 1923 г. о том, что институт стремится к тому,

⁵⁰ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 22–23.

⁵¹ НИОР РГБ. Ф. 646. К. 6. Д. 2. Л. 15.

⁵² РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 242. Л. 20.

⁵³ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 116. Д. 37. Л. 30.

чтобы метод преподавания всех предметов был марксистский, и что это уже частично реализуется в курсах по истории литературы профессорами Коганом, Переверзевым и Пиксановым, он отмечал, что область истории литературы еще недостаточно разработана по марксистскому методу, и многое нужно создавать заново⁵⁴. Принудительное внедрение марксистского метода в курсах по литературе не устраивало студентов. Например, они считали, что попытка Рачинского применить марксистский метод, который не являлся его специальностью, придавала его курсу «Введение в западноевропейскую литературу» характер истории политических идей, а не истории литературы. Вместе с тем студенты отмечали, что фактический материал, данный профессором, был очень ценен и интересен⁵⁵. Но даже когда преподавали профессора — члены партии и теоретики литературы, использующие марксистский метод анализа в своей собственной исследовательской работе, студенты все равно не понимали смысла нового подхода. Л. И. Тимофеев так вспоминал первое выступление Переверзева в институте:

Вдруг пошел разговор: «Сегодня к нам придет марксист. Сегодня придет к нам марксист». Все взволновались, интересовались, что за марксист такой. <...> Наконец, появился в коридоре института <...> Валериан Федорович Переверзев, <...> прочел нам лекцию о марксизме. Это было событие. Мы до сих пор не знали, — кто марксист, что марксист... (Тимофеев, Поспелов 2003: 9).

Мемуарист признается, что даже после этой лекции студенты совершенно не представляли, как можно использовать марксистский метод в литературоведении (Тимофеев, Поспелов 2003: 9).

Скорее всего, именно расхождение представлений советской власти о том, каким должен быть ВЛХИ, с реальным опытом преподавания в институте привело к его закрытию. ВЛХИ постоянно был на грани снижения до звания техникума и даже на грани закрытия. Иван Корчагин, студент ВЛХИ и заместитель ректора в качестве представителя студенчества, вспоминал о том, что «в качестве его [ВЛХИ] ректора он [Брюсов] не только руководил институтом: не раз бывал он вынужден отстаивать в кругу работников Наркомпроса право на существование этого института, ибо в то время самый принцип основания литературного вуза многим казался сомнительным» (Корчагин 1973: 629). В 1923 г. впервые прозвучала идея перевода ВЛХИ в Ленинград по причине излишней загруженности Москвы. Брюсов сумел отстоять институт и доказать, что эвакуация ВЛХИ — это нецелесообразная мера, которая неизбежно приведет к закрытию вуза и в то же время не окажет содействия в деле разгрузки Москвы⁵⁶.

Однако в декабре 1924 г., уже после смерти Брюсова, ВЛХИ снова оказался в опасности — комиссия по облегчению жилищной тесноты во главе

⁵⁴ Там же. Д. 43. Л. 15.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 245. Л. 3–9.

⁵⁶ НИОР РГБ. Ф. 386. К. 116. Д. 44.

с секретарем ЦК Н. М. Шверником предложила Политбюро перевести институт в Ленинград. Новый ректор, В. П. Полонский, попытался спасти институт. На протяжении нескольких месяцев он просил о помощи Наркомпрос, обращался в отдел печати ЦК РКП(б), в Совнарком, Агитпроп, Московский комитет РКП(б), но это ни к чему не привело⁵⁷. 15 июня 1925 г. коллегия Главпрофобра постановила, что «ввиду выяснившейся невозможности перевода ВЛХИ в Ленинград» институт нужно ликвидировать, студентов перевести на факультет языковедения и материальной культуры Ленинградского университета и к 15 июля освободить все помещения института⁵⁸. Официальная причина закрытия была все та же — необходимо разгрузить Москву. Одно обстоятельство заставляет усомниться в официальной версии: в конце марта 1925 г. Полонский получил приложение к протоколу заседания отдела печати ЦК РКП(б), на котором слушали доклад о Государственном институте журналистики (ГИЖ) и предложили влить ВЛХИ в ГИЖ в качестве факультета. Ни Полонский, ни преподаватели ВЛХИ не были в курсе этого решения. 28 марта они провели экстренное собрание ячеек РКП(б) и РЛКСМ ВЛХИ, где обсудили вопрос о слиянии института с ГИЖ. Члены заседания сошлись на том, что возможно слияние ГИЖ с ВЛХИ, но никак не наоборот. Участники заседания предложили ЦК партии ознакомиться с задачами ВЛХИ и только потом выносить какое-либо решение. Они подчеркивали разницу в целях институтов: ГИЖ готовит политических, а ВЛХИ — художественных авторов. В итоге 30 марта решение отдела печати ЦК РКП(б) о слиянии двух вузов было отменено⁵⁹. Странность этого эпизода заключается в том, что для осуществления слияния ГИЖ и ВЛХИ власти были готовы предоставить соответствующее помещение, а для оборудования института и на другие организационные расходы ГИЖ получал единовременную субсидию. То есть при желании можно было найти и помещение, и средства⁶⁰. Все вышперечисленное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что причина перевода (и закрытия) ВЛХИ явно крылась не в здании на Поварской (к этому времени улица была переименована в ул. Воровского), а скорее в самом характере учебного процесса и в атмосфере учебного заведения, не соответствующим официальной идеологии. Пытаясь разобраться в причинах ликвидации, в статье «ВЛХИ надо сохранить!», напечатанной в «Правде» 18 июля 1925 г., уже после его закрытия, рапповский критик Г. Лелевич писал, что «довод о “жилплощади”»⁶¹ особенно не выдерживает критики. Другие

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1328. Оп. 3. Ед. хр. 241.

⁵⁸ Там же. Л. 42.

⁵⁹ Там же. Л. 10–12.

⁶⁰ Отсутствие материально-технической базы всегда было большим вопросом ВЛХИ — нехватка помещений, нехватка стипендий, задержка выплат преподавателям оставались постоянными проблемами института. «Финансы Института являются наиболее уязвимым его местом. <...> ...средства, которые отпускаются Наркомпросом ВЛХИ, не соответствуют действительной потребности, ВЛХИ нуждается в материальной поддержке» (Райхцаум 1961).

⁶¹ Г. Лелевич. «ВЛХИ надо сохранить!». *Правда* (1925), 18 июля: 3.

причины тоже не казались ему существенными: ни довод, что «поэтами родятся, сделать поэтом никого нельзя», ни мнение некоторых о том, что ВЛХИ существует параллельно с двумя другими вузами — ГИЖ и литературным отделением этнологического факультета 1-го МГУ, — ни социально-чуждый состав слушателей ВЛХИ, ни «схоластическая» работа ВЛХИ. У ВЛХИ, по словам Г. Лелевича, были недостатки⁶², но их можно исправить, а ликвидация ВЛХИ стала бы «трудно поправимой ошибкой». Лелевич призывал партию не закрывать институт:

Партийное общественное мнение должно заинтересоваться этим вопросом, а соответствующие инстанции должны снова взвесить и проверить свои решения для того, чтобы не загубить чрезвычайно плодотворного, несмотря на многочисленные недостатки, культурного начинания, приобретающего особое значение сейчас, когда партия официально признала особую важность литературного участка идеологического фронта⁶³.

«Партийное общественное мнение» не заинтересовалось этим вопросом, и ВЛХИ был закрыт. Часть профессоров и студентов во главе с М. Григорьевым перебралась в студию Всероссийского союза поэтов, из которой в скором времени сделали подобие ВЛХИ — Высшие государственные литературные курсы (ВГЛК). ВГЛК были закрыты в 1929 г. по тем же причинам, которые в 1925-м перечислял в своей статье Г. Лелевич:

Принимая во внимание состав слушателей ВГЛК (абсолютное большинство чуждых нам людей), состав педагогов (руководят почти всеми творческими циклами — идеалисты), отсутствие помещений, средств и т. д., можно прийти только к одному выводу, а именно ВГЛК не в состоянии подготовить нужных стране литературных работников, ибо даже те талантливые ребята, которые несомненно имеются, идеологически портятся и по окончании учебы могли быть неплохими писателями, но сомнительно, что они стали «советскими писателями», людьми с нашей идеологией⁶⁴.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

НИОР РГБ. Ф. 386.

РГАЛИ. Ф. 596.

РГАЛИ. Ф. 1328.

Белый А. «Валерий Брюсов». *Россия: Общественно-литературный журнал* 4 (1925): 263–280.

Благинина Е. «О ВЛХИ им. Брюсова». *Золотые страницы «Орловского библиофила»*. Составители Л. И. Бородина и др. Орел: Орлик, 2016: 290–292.

Бородин С. П. «Дороги». *Дружба народов* 6 (1975): 256–271.

Брюсов В. «Высший Литературно-Художественный Институт». *Журналист* 8 (1923): 23–26.

⁶² «Должен подчеркнуть, что, действительно, преподавание в институте далеко от идеала. Мало того, по моему убеждению, необходима реформа этого преподавания — в смысле приближения его к литературной практике, и в смысле более последовательного проведения гегемонии марксизма в этом преподавании» (Там же).

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 2522. Оп. 1. Д. 49. Л. 28об.

- Брюсов В. «Из переписки послеоктябрьских лет (1918–1924)». Обзор, публикация и комментарии Н. А. Трифонова. *Литературное наследство*. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Ответственный редактор Н. А. Трифонов. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 1994: 534–571.
- Брюсов В. «Переписка с редакцией журнала “Печать и революция” (1920–1923)». Вступительная статья, публикация и комментарии Т. В. Анчуговой. *Литературное наследство*. Т. 98: Валерий Брюсов и его корреспонденты. Ответственный редактор Н. А. Трифонов. Кн. 2. Москва: ИМЛИ РАН, 1994: 572–682.
- Брюсов В. «Ремесло поэта». Брюсов В. *Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: (Стихи 1912–1918 г.)*. Москва: Геликон, 1918: 7–11.
- Брюсов В. [псевд.: Аврелий]. «Школа и поэзия: (По поводу одной книжки)». *Приложение к газете «Русский листок»* 74 (1902), 17 марта.
- «Высший Литературно-Художественный Институт». *Известия ВЦИК* 281 (1921), 20 ноября: 2.
- «Высший Литературно-Художественный Институт». *Экран* 24–25 (1922): 11.
- Григорьев М. С. «Валерий Брюсов в последние годы жизни». *Прожектор* 3 (1925): 19–22.
- Григорьев М. С. (ред.). *Программы и учебные планы*. Москва: Пролетарий у Руля, 1924.
- Из далеких двадцатых годов двадцатого века: (Исповедальная переписка фольклористов Б. М. и Ю. М. Соколовых)*. Подготовка текста, вступительная статья, комментарии и указатели В. А. Бахтиной. Москва: ИМЛИ РАН, 2010.
- Кальма Н. «Улица Воровского, 52». *Неделя* 7 (1971), 8–14 февраля: 5.
- «“Консерватория слова”: Из воспоминаний Е. Б. Рафальской о Высшем литературно-художественном институте имени В. Я. Брюсова». Предисловие, публикация и примечания А. Л. Евстигнеевой. *Русская литература* 2 (2001): 185–205.
- Корчагин А. «Из воспоминаний о Брюсове». *Брюсовские чтения 1971 года*. Редактор-составитель К. В. Айвазян. Ереван: Айпетрат, 1973: 627–633.
- Лазовский П. «Подвижник мысли и труда». *Брюсовские чтения 1962 года*. Ответственный редактор К. В. Айвазян. Ереван: Айпетрат, 1963: 332–347.
- Локс К. «Повесть об одном десятилетии (1907–1917)». Публикация Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова. *Минувшее*. Вып. 15. Москва; Санкт-Петербург: Atheneum; Феникс, 1994: 7–162.
- «Материалы к проекту “Академии поэзии” В. Брюсова в Наркомпросе». Вступительная статья Е. Глухой. *Брюсовские чтения 2006 года*. Редактор С. Т. Золян. Ереван: Лингва, 2007: 529–530.
- Молодяков В. *Валерий Брюсов: Биография*. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2010.
- Пуришев Б. «Брюсовский институт: (Из “Воспоминаний старого москвича”»)». *Археографический ежегодник за 1997 год*. Москва: Наука, 1997: 567–580.
- Пуришев Б. «Воспоминания об учителе». *Брюсовские чтения 1971 года*. Редактор-составитель К. В. Айвазян. Ереван: Айпетрат, 1973: 516–517.
- Рачинский Г. А. «Брюсов и В. Л.-Х. И.». *Валерию Брюсову: Сборник, посвященный 50-летию со дня рождения поэта*. Под редакцией П. С. Когана. Москва: КУБС ВЛХИ им. Валерия Брюсова, 1924: 45–50.
- Смирнова-Козлова А. *В Брюсовском институте: Записки современницы*. Москва: РБП, 1998.
- Тимофеев Л. И., Поспелов Г. Н. *Устные мемуары*. Записи сделаны В. Д. Дувакиным. Москва: МГУ, 2003.
- Фефер В. В. «Брюсов в “Школе поэтики”». Публикация А. М. Смирновой; предисловие и примечания И. Ф. Кунина. *Литературное наследство*. Т. 85: Валерий Брюсов. Редакторы А. Н. Дубовиков и Н. А. Трифонов при участии Т. Т. Динесман. Москва: Наука, 1976: 799–826.
- Чихачев П. «Московские встречи (1923–1925 гг.)». *Кубань* 5 (1965): 40–43.
- Ясинская З. «Мой учитель, мой ректор». *Брюсовские чтения 1962 года*. Ответственный редактор К. В. Айвазян. Ереван: Айпетрат, 1963: 308–318.